

16 февраля сего года скончалась Аида Хмельёва, урождённая Любовь Топешкина, 18 февраля Аиду-Любовь отпели в храме Донского монастыря и похоронили в её родном селе Кукуево, на Смоленщине.

Тьерри Мариньяк

«ЛЮДИ — ЗЛЫ, А БОГИ — СЛАБЫ...»

...И вновь причина — сегодня, увы, рутина — орошать слезой свежевскопанную могильную лунку: 16 февраля поэт Аида Хмельёва, чей псевдоним Любовь Молоденкова, то бишь «Юная Любовь» (о, какое чаяние, какая свежесть!) угасла на 85-м году жизни в Москве, сражённая ковидом.

Она была в эпицентре московской богемы (точнее, её диссидентской ветви) — «бесстрашно глядела в глаза стукачей», как написала Кира Сапгир об Аиде, пассионарной женщине, ступившей на эту стезю во имя любви к спутникам своей громокипящей жизни. Она была большим поэтом, чьё творчество заслуживает признания во Франции, где Аида прожила более 30 лет. Напомним, что она была женой фотографа Владимира Сычева, снимавшего российскую богему, русскую провинцию и западных сильных мира сего — Жака Ширака, в частности. Вашему покорному слуге выпала честь перевести некоторые поэмы Аиды и посетить её с детьми (двумя из шести) в двух её парижских квартирах. Невзирая на её решитель-

ное осуждение моей богемной жизни, я был ею потрясён и восхищён. Она для меня воплощала, как сказано где-то, «железную простоту». Любопытствующие смогут вспомнить незабываемые строки самой Любви Молоденковой — «Мои стихи написаны на языке дождя...», или «Всю жизнь любить нелюбимых», или же «Люди злы, а боги слабы...». «. Всё, что было у неё, она отдавала: от нежности до едкого сарказма. Она вышла из простой семьи, родившись в российской глубинке, создала саму себя в эпоху Хрущёва и Брежнева. Какой урок независимости, храбрости и гордости западным феминисткам! Для неё страсть и любовь — единственное средство спасения рода человеческого. Её песни о любви незабываемы. Я был переводчиком многих её стихов (цикл «Розы», в частности). А сейчас опубликовал два её последних стихотворения в моём переводе.

*Перевод с французского
Кирь Сапгир*

«ХРАНИ МОЙ ДАР ВЫСОКОЙ РЕЧИ...»

Памяти Аиды Хмелёвой

Недавно ушла из жизни поэтесса Аида Хмелёва. Она с 1980 года жила в Париже и была одним из центров тамошней русскоязычной диаспоры. Её творческий псевдоним — Любовь Молоденкова. Так звали мать Аиды, которая родила дочь в деревне Кукуево Тверской области. Имя Аида ей дали не случайно: незадолго до родов семья поехала в Москву послушать оперу Верди «Аида». Вопрос с именем девочки сразу решился, так как впечатление от оперы было потрясающим. Имя предопределило будущее: как по заказу, Аида, повзрослев, всю жизнь стояла против любого рабства и в жизни вообще, и в творчестве, в частности, в 1960–1970 годы была активной участницей диссидентского и нонконформистского движения, много трудясь, она принимала только одну форму жизни — свободу духа. Деревенская девушка, Аида с успехом окончила факультет журналистики Московского университета. Её первые стихи напечатаны в 1961 году в самиздатском журнале «Феникс», созданном правозащитником и поэтом Юрием Галансковым. А первая книга стихов «Вольная воля» вышла на родине в 1997 году. Юрий Мамлеев так расценил творчество Л. Молоденковой: «Это настоящая высокая поэзия во всех смыслах... и, следовательно, мы присутствуем при появлении

в России БОЛЬШОГО ПОЭТА. Именно при «появлении», поскольку Любовь Молоденкова писала стихи ещё в ту далёкую пору, когда такая поэзия могла публиковаться лишь в «самиздате». Знаковое мнение о необычной, уникальной женщине-поэте».

Аида запоминалась сразу «бронейным» обаянием, естественностью, особым воздухом свободы и уверенности в правоте личных убеждений. Внешне она — хрупкая, тонкая, но внутренняя сила в ней ощутима безоговорочно: «Все громкие слова бесильны // Перед моим истончённым

лицом, // И всё-таки они меня про-
сили, // И всё-таки они меня смуща-
ли // Последним счастьем, после — //
Пригрозили концом. // Мне всё равно.
Я ничего не знала. // От острых скул
густая синева, // С Савёловского гряз-
ного вокзала, // Как память, начина-
лася Москва, // И всё-таки я что-то им
сказала, // Какие-то холодные слова.
// Мне б удержать, согреть их и отта-
ять, // И отдышаться у щёк, у глаз, у рта...
// Но мне смешна их истина простая
// А им — моя «святая простота». //
Они кричали, плакали, и мелом // Пи-
сали, объясняя, на руках, — // Я мед-
ленно молитвенно немела, // Я луч-
ше и торжественней умела, // И даже
невозможное посмела — // Я дальше
уходила, как река...».

Внешне Аида с юности напомина-
ла Анну Ахматову, у которой бывала,
и частенько — с просьбой посмотреть
её стихи. На что Анна Андреевна со
смешком выговаривала девушке:
«Раз Вы пишете, то продолжайте пи-
сать. А мне, если уважаете, могли бы
и ... полы помыть! Это мне как раз
трудновато». Но в юморе Ахмато-
вой всё-таки угадывалось уважение.
Вероятно, она узрела в Аиде свой-
ственную ей самой прямоту, бесстра-
шие и редкую образность взгляда на
мир.

Антураж вокруг Аиды свидетель-
ствовал о том, что она целиком пре-
бывает в искусстве. Книгам у неё
было тесно, на стенах висели заме-
чательные картины, чаще всего — по-
даренные авторами. Среди них не-
мало работ Ильи Глазунова, который

нередко останавливался у Аиды, они
были друзьями. И не с ним одним.
Помню, я состояла в переписке с жив-
шим во Франции Борисом Носиком.
Он щедро писал об эмигрантах из
России. Я попросила его заняться для
очередной книги и личностью моего
дяди, художника-графика и анима-
тора Александра Алексеева, извест-
ного широко во Франции, а в России
неведомого соотечественника. Носик
с сожалением извинился, но, отказав,
обещал, что напишет в другой книге,
та же, над которой он пока работал,
уже имела список героев по алфа-
виту. На «А» оставлено место только
Амальрику, о котором пока было ма-
ловато материала.

За несколько дней до того мы с Аи-
дой были на кладбище Сен Женевь-
ев де Буа. Она прихватила с собой
лопатку, тямку, грабельки, ведёрко
и ещё кое-что. Я спросила, зачем ей
этот инвентарь. Она ответила: надо
прибрать могилу её друга Амальри-
ка, за которой постоянно ухажива-
ет. Я поинтересовалась, не поможет
ли она Носику. Она разрешила их
познакомить и сразу ему помог-
ла. У неё был широкий круг друзей,
и те, кто нуждались, не оставались
без её помощи, всегда оказываемой
с большим желанием, хотя и домаш-
них забот хватало: она была матерью
шестерых детей. Материнская забо-
та распространялась на всех. Я знала
только одного из её мужей, фотогра-
фа Владимира Сычёва. Он великолепно
фотографировал, фиксировал на
плёнке суровую реальность, которая

редко совпадала с требованиями бравурного социалистического реализма. За это и был выдворен из страны. Хотя Володе было запрещено вывозить свои негативы, но он кое-какие удачно запрятал и прихватил с собой. В это время в Париже был объявлен фотоконкурс, куда подал снимки и Сычёв. Он был очень талантлив, каждый заснятый им миг красноречиво раскрывал замысел порой острее и больше, чем иная фотовыставка. Он выполнял заказы для книг, журналов, обложек пластинок. С середины 1960-х годов снимал портреты друзей, художников-нонконформистов, организовывал у себя на квартире их однодневные выставки, например, художника Михаила Шемякина, публиковал фотографии в журналах «Life», «Stern», «Paris Match», был фотографом «Sipa Press», но это уже после того, как в 1980 году эмигрировал во Францию.

Переезду семьи в Париж содействовал Александр Гарин, их единомышленник. В конкурсе Владимир выиграл и стал правительственным фотографом во Франции. Он был тяжело ранен у Белого дома в России. Володя был человеком планеты, маневренным и заинтересованным в результатах своей деятельности. Звоню ему, находясь в Париже, и приглашаю на мероприятие, связанное с моим дядей А. Алексеевым, рус-

ским эмигрантом. Володя вежливо отказывается: «Лена, извини, я завтра должен улететь в Японию, на Олимпиаду в Нагано». При всей необычности и талантливости обоих, Володя и Аида расстались.

Дети у Аиды — тоже особенные: один стал православным священником, другой, Тимофей Хмелёв, имел изысканное перо — писал интересные статьи по искусству и не только, дочь Катя стала просто ярким символом русской женщины — и внешне, и по манере держаться; другая дочь, отец которой японец и по виду, и по миропониманию, и по душе, стала одной из выдающихся подиумных моделей; младшая, Дуня, с успехом занималась в одной из престижных театральных студий, имея артистические наклонности... Интересы детей разделяла Аида, неизменно поддерживавшая их.

Особую теплоту её дому добавляла любимая овчарка Вьюга. Этот дом всегда манил к себе гостей. Теперь для многих, кто Аиду любил искренне, от сердца — закончилась её эпоха. Аида никого не копировала, она естественно оставалась собой, вызывающей множество разных чувств, кроме одного — равнодушия.

Елена Федотова,
член Союза журналистов России